

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

УДК 811.161.

Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект

В.А. Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Интерес к глубинному — важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней. В рамках исследования внимание обращено только на две современные отрасли лингвистики — когнитивную лингвистику и лингвокультурологию.

Цель статьи состоит в демонстрации того, что выделение категорий языка — это сложный и многогранный процесс, в котором совмещается ряд сущностей, т.к. в основе любой категории лежат, с одной стороны, общие концептуальные основания для объединения объектов, с другой стороны, сами объекты должны иметь общие свойства, с третьей, нужно установить правила их выделения в особый класс.

Выдвинуто предположение, что проблема «язык и культура» может объединить достижения почти всех наук, изучающих человека. Но каждая из этих наук должна впитать в себя знания, полученные в смежных науках. Соответственно, современная лингвокультурология должна исследовать взаимосвязи и взаимовлияния не только языка и культуры, но и языковой личности, ее сознания, мышления и языка.

В статье на примерах концептов, ценностей, примет, фразеологизмов показана роль языка в концептуализации и категоризации мира. Предпринята попытка установить причины объективного и субъективного характера, ведущие к формированию национальной картины мира. Одним из таких факторов является метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия.

Ключевые слова: русский язык, классификация, категоризация, концептуализация, когнитивная лингвистика, лингвокультурология

Введение

Разные формы общественного сознания (наука, религия, философия, искусство и др.) не только обслуживаются языком, но и создаются с его помощью. В каждой из форм язык предстает разными своими гранями, ибо он гибок и многогранен. При этом он плохо управляется человеком, которому так и не удалось его загнать в определенные рамки. Не случайно В.А. Звегинцев отмечал: «Даже

© Маслова В.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

тогда, когда язык как будто удается подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» (Звегинцев, 1996: 301).

Отсюда следует, что язык силен своей глубиной, глубинными механизмами, которые почти не исследованы на сегодняшний день, хотя примеров, подтверждающих наличие таких механизмов множество: *брать горлом* (добиваться чего-либо криком), *брать грудью* (побеждать сильным напором), *брать за душу* (волновать). Выделенные фразеологизмы (напомним, что фразеологизмы — душа любого языка) на уровне поверхностного смысла должны быть сходны, т.к. общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы, которые формируются при участии культуры, создают возможность для репрезентации разных сфер деятельности человека — физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т.д. Становится понятным, что современная лингвистика должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, но без использования данных других областей знаний ей это не под силу.

Возможность проникнуть в тайны глубинного познания мира стали видеть в объединении научного, философского, художественного и религиозного знаний. Целью такого синтеза стало получение целостного видения человека в мире и Вселенной. Примером такого подхода могут служить последние работы академика Ю.С. Степанова: «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» (2007), «Мыслящий тростник» (2010), «Протей. Очерки хаотической эволюции» (2004) и др.

Цель

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как категоризация и концептуализация отразились на развитии лингвокультурологии, и доказать, что существующие категории оформились в результате сложных процессов, т.к. в самих категориях совмещается ряд сущностей, которые лежат в основе любой категории: с одной стороны, общие концептуальные основания для объединения объектов, с другой стороны, сами объекты должны иметь общие свойства, с третьей, нужно установить правила их выделения в особый класс.

Методы и материал

В качестве методов использовались лингвокультурологический анализ текста, неструктурированное наблюдение, комментирование.

Материалом для исследования стали региональные приметы, культурные концепты и метафоры.

Результаты

Именно язык помогает нам хоть что-нибудь понять в ментальности, которая загадочна и имплицитна по своей сути. Язык определяет не только наши мысли,

но и способ видения мира, особенности его членения носителями определенной культуры, т.е. языковую картину мира. Думается, что два направления современной лингвистики — лингвокультурологическое и когнитивное — позволяют решить ряд вопросов, связанных с человеком, его познавательными процессами и культурой. Например, проблемы, касающиеся языкового сознания, понимания и др. С учетом этой позиции стали меняться и сами исходные науки. Учеными выдвинуто предположение, что проблема «язык и культура» может объединить достижения почти всех наук, изучающих человека, — от биологии и медицины до аналитической философии и нейронаук. Но каждая из этих наук должна впитать в себя знания, полученные в смежных науках.

Соответственно, современная лингвокультурология должна исследовать взаимосвязи и взаимовлияния не только языка и культуры, но и языковой личности, ее сознания, мышления и языка. Языковая личность и языковое сознание оказались одновременно и субъектом, и объектом лингвокультурного исследования.

Уровень языкового влияния определяется не только спецификой языка (смыслом, ритмом, звукописью), но и характеристиками личности, пытающейся воздействовать на окружающий мир и другого человека словом (поэта, преподавателя, политика, врача). Биологами были проведены эксперименты, в которых с помощью конкретных измерений достаточно точно установлено влияние слова, произнесенного добрым и умным человеком, от которых семена, зараженные радиацией, выздоравливали. Если же текст произносился злым человеком либо безразличным, не способным к сопереживанию, семена погибали. В данном случае подтверждается мысль Н.А. Бердяева о тайне, которая углубляется познанием.

Проблемы взаимосвязи языкового сознания и механизмов мозга чрезвычайно важны, потому что «мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык — особая видоспецифическая способность мозга» (Черниговская, 2016: 13). Язык «принципиально не настроен на жесткость значений и формулировок, и это может быть объяснено только запросами самого когнитивного ментального пространства, если не сказать — самого мира» (Черниговская, 2016: 15). Об этом также пишут Т. Нагель, Ж.И. Резникова и многие другие. Они отмечают, что это междисциплинарная (интегративная) проблема, решение которой возможно только совместными усилиями представителей ряда наук.

Под влиянием новых знаний изменилась не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, в которой ранее языковое знание понималось как довольно самостоятельный модуль ментальности человека. Теперь в сознании обнаруживается много непонятного и необъяснимого с позиции когнитологии.

Современные лингвисты отмечают важность «категориального формата, который является ведущим в организации языка» (Болдырев, 2009: 77). Отсюда следует, что категория — важнейшее понятие в лингвистике (особенно в грамматике). «Это одно из ключевых понятий и в когнитивной лингвистике» (Болдырев, 2009: 78), а также лингвокультурологии, в которой основной категорией является культурный концепт.

Категоризацию следует отличать от концептуализации, которая является важнейшим понятием когнитивистики и для которой немаловажными становятся

семантические категории. Именно их, по нашему мнению, нужно рассматривать в едином концептуальном и культурном пространстве. Однако встает вопрос об их дифференциации между собой и процессах классификации.

Обсуждение

Попытаемся разобраться с понятием категории. Известно, что учение о категории принадлежит Аристотелю, под которой он понимал результат процесса классификации явлений действительности. Термин и понятие «категория» широко используются в философии, где являются ключевыми понятиями в постижении познавательной деятельности человека.

Категория — общенаучное понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира. Так, категориями являются материя, время, пространство, каузальность, качество, количество и т.д. В лингвистике категория — «любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства; ... некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов...» (Лингвистический..., 1990: 215). Из этой цитаты следует, что для выделения категории в лингвистике важно понятие класса.

В лингвистике термин «категория» используется в двух видах:

- 1) более общие философские категории пространства, формы, времени и др.;
- 2) частные лингвистические категории существительного, прилагательного, числа, рода и т.д.

Однако с развитием когнитивной лингвистики появилась возможность посмотреть на категории языка сквозь призму чувственного опыта человека: «мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык — это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведет к упорядочиванию данного мира» (Де Мауро, 2000: 162—164).

Следовательно, особенности языковых категорий обусловлены осмыслением различного человеческого опыта, зафиксированного в языке. В основе опыта лежат типы языковых знаний, ибо мы воспринимаем в мире то, что позволяет нам видеть наш язык. Наш язык содержит:

- 1) знание о предметах и событиях, зафиксированное в слове;
- 2) знание языка как совокупности грамматических категорий;
- 3) знание языка с позиций внутреннего концептуального содержания, которые репрезентируют особенности человеческого миропонимания.

Как считает Н. Болдырев, категоризацию нужно изучать с позиций когнитивной лингвистики. Этому посвящена его работа «Концептуальная основа языка» (Болдырев, 2009: 25—77), в которой категоризация исследуется когнитивными и дискурсивными методами.

Итак, категоризация — это включение сущностей объективного мира в определенную рубрику, т.е. это способность классифицировать явления и распределять их по рубрикам. Сама классификация предполагает выявление системы сопод-

чиненных понятий (сущностей), в соответствии с которыми можно их объединять в классы. Причем, объединяются сейчас в одну рубрику члены с неравным статусом, с не полностью повторяющимися признаками. Л. Витгенштейн назвал это «фамильным сходством», при котором обнаруживается чаще всего один общий признак (Витгенштейн, 1994). Если продолжить эту метафору ученого, то один сын больше похож на отца внешностью, другой характером, третий поведением и т.д. Так и в языке: в одну рубрику «ягоды» объединяются не только вишня, земляника, смородина, но и арбузы.

Вероятно, эта способность к категоризации — врожденная, о чем говорят эксперименты: маленькие дети, не зная наименований, почти безошибочно раскладывали фрукты и овощи по разным кучкам. На основе этой идеи А. Вежибцкой и Дж. Лакоффом была создана прототипическая семантика.

Естественный язык является одним «из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации» (Телия, 2005: 9). Отсюда все возрастающее стремление лингвистов к выделению абстрактных глобальных явлений: концепция местоимений Н.Ю. Шведовой, семантика как система категорий в функциональной грамматике А.В. Бондарко, прецедентные тексты Ю.Н. Караулова (Караулов, 2003). Это и есть тенденция к высокой степени абстракции знаний с помощью категоризации, благодаря которой мы получаем способ экономного отражения реальности в языке. Как известно, принцип экономии — это общая черта всех видов деятельности человека, в том числе и речевой.

В последнее десятилетие лингвистика (как и все гуманитарные науки) начинает проявлять интерес к глубинному знанию. Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» (Берестнев, 2017: 38).

Еще в середине прошлого века Л. Витгенштейн писал о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть понята иначе, чем через образ, который открывается человеку неожиданно и без видимых усилий с его стороны. Он утверждал: «В самом деле, существует Невысказываемое... Это мистическое» (Витгенштейн, 1994: 72). Т.В. Черниговская, известный современный лингвист и нейробиолог, также полагает, что «язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и невычисляемые пласты» (Черниговская, 2016: 64).

Наиболее активными репрезентантами глубинного служат сны, пророчества, приметы. Хорошим объектом исследования является поэзия, сквозь которую также мерцают глубинные смыслы.

Названные сущности имеют разную онтологию, разные способы представления в языке. Так, *сны*, рожденные в глубинах подсознания, предстают в виде зыбких образов, которые диффузны, ирреальны. Человек постигает из этого миража фантастические образы, которые затем преломляются сквозь сознание и накладываются на реальный мир. Они завораживают, но с трудом вербализуются. Образы быстро сменяются, казалось бы, без особой логики и причины. На самом деле причиной может быть опыт, пережитый субъектом в реальности, его состояние здоровья; есть сны — предупреждения об опасности; сны — тренировки орга-

низма, если, например, человек с некоторым постоянством видит во сне авиакатастрофы, то такой сон позволит ему не умереть в первые секунды реальной катастрофы от страха. Не случайно И.П. Павлов считал, что сон — это *небывалые комбинации бывалых впечатлений*. Из этих небывалых комбинаций рождаются предсказания.

Пророчества — репрезентируются естественным языком, который у отдельных личностей носит туманный и загадочный характер, часто требующий дешифровки (например, пророчества Ванги). В пророчествах допускаются многие трансформации языка: много условного, символического, смешиваются и меняются отношения говорящего к высказываемому.

Примета — это подтвержденные многократными совпадениями и передаваемые из поколения в поколение предсказания событий. Они основаны на каузации поступков и явлений (*Рассыпать соль — к скорю*). Периодически ученые подтверждают их пророческую точность. Суеверия — это те же приметы, но реже подтверждающиеся. С одной стороны, приметы обобщают жизненный опыт: *Красный закат — завтра будет хороший день*. С другой, передают мистический опыт древности: *Присесть на дорожку; Посуда бьется — к счастью; Разбить зеркало — к несчастью*.

В Витебском ареале (Белоруссия) мы насчитали более 1000 примет, около половины из них — суеверные. В приметах проявляется склонность человека к образному мышлению: *Упал нож — придет мужчина*. У примет самые разные функции, например, утешение: *Не везет в игре — повезет в любви*; предупреждение: *Дарить колющие приметы — к скорю*. *Портсигары — к смерти*; регулирование поведения в обществе: нельзя здороваться за руку через порог; нельзя посадить гостя на угол стола — *семь лет не женится* и др., а также запугивание, подбадривание, устрашение, обнадеживание и т.д.

Приметы национальны. У русских сидеть на углу — семь лет не выйти замуж, у немцев — получить злую свекровь/тещу. Надеть рубашку наизнанку — у русских — быть битым, у немцев — неуязвимым. Четное количество цветов несут умершему, а в Европе количество цветов не имеет значения.

В основе примет были исконные сакральные мотивировки и объяснения, современные же объяснения вторичны и, возможно, ошибочны: *Соль рассыпать — к скорю*: соль — символ вечности, постоянства. Она была дорога, а потому ее рассыпание — урон.

Плохая примета — встать с левой ноги. Нельзя креститься и здороваться левой рукой, потому что левая — от дьявола. Хорошая: Не узнал знакомого — быть ему богатым! Икнул — кто-то вспоминает.

Структуру примет образуют базовые семантические оппозиции: левый — правый, горячий — холодный, свой — чужой, мужской — женский: чешется левый глаз — к радости; чешется левая рука — к получению денег; споткнуться на левую ногу — к удаче; чешется правая рука — здороваться; удача ждет человека, оказавшегося за столом между двумя мужчинами с одинаковыми именами; встретить женщину с пустым ведром — к несчастью и др.

Еще один путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о мире. В. Гум-

больдтом язык трактовался глубинно-онтологически и интерпретировался как всеобъемлющая и всепроникающая духовная активность человека. Перефразируя известное высказывание Ю.М. Лотмана о семиотике, мы можем сказать: человек — это семантическое существо, живущее в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности, т.к. языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Рассмотрим для примера фразеологизм *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». Имплицитная культурная информация: сон связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон изменять реальность. Отсюда следует, что сквозь фразеологизм *спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает не только ее понять и предвидеть, но и приблизить (или, напротив, отдалить) и даже предсказать: *Смеяться во сне — к болезни* и т.п.

Еще пример. Всем известен библейский стих о том, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). При поверхностном его истолковании имеются в виду люди, которые учатся для того, чтобы зарабатывать много денег, добиться определенного положения в обществе. Но здесь есть и иное, глубинное прочтение, т.к. есть другие люди, которые учатся для своего удовольствия и видят в учебе смысл жизни. Для них познание — это один из путей обретения смысла в жизни. Приведенный библейский стих — не про них и не для них.

Глубинные знания являют себя, во-первых, в «симфонии голосов прошлого»: они прорываются сквозь слово, которое значит больше, чем нам кажется на первый взгляд, т.е., помимо значения, они несут в себе культурную информацию, рождающую подчас необычную коннотацию: *выносить сор из избы*. Понять смысл данного фразеологизма помогает знание культуры, которое позволяет объяснить, почему позитивное действие — избавление от мусора — имеет негативную коннотацию: выносить сор из избы — это плохо. Потому что, по древнему поверью славян, вынося мусор из дома, мы ослабляем свое пространство, семью, делаем их более уязвимыми для темных сил. До сих пор мы все помним наказания наших бабушек не выносить мусор вечером.

Примером глубинных знаний может быть скрытая в слове позиция наблюдателя (глубокий колодец — наблюдатель смотрит сверху, но высокий колодец, если он смотрит с его дна). Часто в слове имплицитно содержится качество называемого объекта, его характеристика, что можно эксплицировать как запрет на сочетаемость типа: палач пьет чай, великий артист храпит. Этот список можно продолжить.

Глубинные знания тесно связаны с типом категоризации в лингвокультуре. Тип категоризации определяется несколькими когнитивными моделями: пропозициональной, образом-схемой, метафорической и метонимической.

Посмотрим только на одну — метафорическую. Когнитивная функция является основной функцией метафорической модели. Философ Хосе Ортега-и-Гассет, говоря о гносеологической функции метафоры, подчеркивал: «Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отда-

ленных участков нашего концептуального поля. <...> Метафора удлиняет “руку” интеллекта» (Ортега-и-Гассет, 1990: 68). Дар улавливать общее в том, что, на первый взгляд, не кажется похожим, считается врожденной способностью человека. Умение создавать метафоры относят к фундаментальным свойствам человеческого сознания. Метафора, используемая как инструмент познания окружающего мира, помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о природе и себе, позволяет ему создать определенную модель мира. Метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека. Некоторые лингвисты даже утверждают, что весь наш язык — это кладбище метафор.

Метафора многолика. С одной стороны, она выполняет креативную функцию, фиксируя в языке открытия мира: семантическое поле, лингвистическая «роза ветров», фразеологическое пространство, семантическое русло. С другой — она украшение языка: горький яд сарказма, листья человеческого дерева. С третьей — способствует созданию шизофренического языка: общество ограниченной ответственности, круглый отличник, группа продленного дня, утечка мозгов.

Таким образом, метафора является одним из основных способов вербализованного мышления о мире. К метафоре мы прибегаем всякий раз, когда наши языковые ресурсы на исходе, а нужно назвать новое явление. Такая нетривиальная ситуация тренирует нашу нейронную сеть мозга, причем не только создателя метафоры, но и того, кто позднее с ней сталкивается.

Нас интересует не столько когнитивная, сколько культурная метафора, которую мы понимаем как призму, сквозь которую видит мир носитель конкретного языка и культуры. Термин ввел американский психолог Мартин Гэннон в середине 2000-х годов. Культурная метафора — это то, что знают все носители данной лингвокультуры и используют в коммуникации: не отходя от кассы, дядя Сэм, русский медведь, шиш в кармане и др. Причем, они функционируют с разными смыслами в различных ситуациях: шиш в кармане — это и отсутствие денег, и безразличие (чаще встречается в форме фи́га в кармане).

Метафоры опираются на наш практический опыт (Лакофф, Джонсон, 1990). Так, внешность человека характеризуют следующие метафоры: вобла — о худой женщине; кочерыжка — о старом человеке; бочка — о полном человеке; колода — о толстом и неповоротливом человеке; матрешка — о ярко накрашенной и пестро одетой женщине; мешок, медведь — о неуклюжем человеке; швабра — о растрепанной женщине; елка — о чересчур увешанной драгоценностями женщине, шибздик — о юноше невысокого роста и др.

Рассмотрим универсальные пространственные метафоры, т.к. чувство пространства чрезвычайно важно для человека вообще. Поэтому, на первый взгляд, кажется, что они универсальны для всех народов. Но даже они имеют культурный аспект. В каждой лингвокультуре пространственная метафора разрастается в целые «деревья», становясь многоликой. Так, метафора пути стала одной из самых востребованных в русской культуре: например, в ситуации смены пути мы говорим — перепутье, о следовании к достижению цели — жизненный путь, творческий путь, путь к Богу, истине, о наставлении в дорогу — напутствие и т.д.

Метафора пути связана с целым рядом позитивных явлений: путное дело, напутствие, но в русской культуре она представлена и негативными смыслами — путь на Голгофу, последний путь, беспутье, беспутный, непутевый, перепутье, распутица. Блуждание без пути — блуд, в языке этот смысл представлен также словом «распутник». Распутица — путь Дьявола в народном сознании.

Путь имеет моральные, этические, идейные, конфессиональные коннотации: путь к коммунизму, жизненный путь, вступить на новый путь, исторический путь страны. Путеводная звезда в Евангелии. Молитва к Богу: направь меня на путь истинный... Путеводительство занимает важное место в русской картине мира, отсюда поводырь, проводник. С метафорой пути тесно связана метафора транспорта, идущего по этому пути: государственная машина, локомотив истории.

В западноевропейских языках и даже в близкородственном белорусском более активна метафора дороги, нежели пути. Имеющийся в белорусском языке эквивалент пути — слово «шлях», не обросло сонмом символов и метафор.

Русский путь не предполагает движения вверх, как в европейских культурах (отсюда у них готические храмы), в русский рай можно прийти, а по пути человека могут ждать не только опасности, но и собственное перерождение, меняющее его в лучшую сторону: Б. Пастернак в «Докторе Живаго» показывает, пространственные перемещения ведут к преображению героя. Отсюда чисто русская установка — не сужать, а расширять «свое» пространство: не свет клином сошелся, найдешь свой путь.

Итак, метафора — это форма организации человеческого опыта, метафоры не столько украшают нашу речь (тексты), как формируют новые мыслительные схемы и категории, являются своего рода «мотором» познания, типом образа мира. В.Г. Гак утверждал, что метафоры используются в нашей речи не потому, что с ними красивее, а потому, что без них нельзя (Гак, 1998: 481).

Метафора играет важную роль и в процессах концептуализации мира. Далее рассмотрим еще один вид пространственной метафоры — дерево — и покажем его роль в концептуализации мира. Фактически, категоризация и концептуализация — это классификационная деятельность человека, но с разными результатами и целями: «концептуализация направлена на выделение минимальных единиц человеческого опыта, категоризация имеет целью объединение единиц, проявляющих хотя бы частичное сходство, в более крупные разряды» (Лингвистический..., 1990: 215—216).

Особо следует сказать о концепте — минимальной единице знания. Именно концептуализацию большинство когнитологов считают ключевым понятием когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Е. Кубрякова, Н. Болдырев и др.).

Ключевым оно является и для лингвокультурологии (В. Карасик, М. Ковшова, В. Красных, В. Маслова и др.). В ней активно развивается понятие концептосферы культуры, которая понимается как «сложнейшее системное образование, которое создается из концептуально оформленной ценностной информации...» (Ковшова, Гудков, 2017: 48). По совокупности ключевых концептов и отношениям между ними можно определять тип культуры.

Кратко остановимся на концепте «дерево». Метафора мирового дерева в разных народах предстает в разных образах: для финна, вероятно, это сосна, для

немца — дуб, который был главным священным деревом еще у древних германцев, для русского — береза. Славяне жили в основном в лесах и потому относились к деревьям с особым почтением: до сих пор береза, дуб, ель, яблоня, груша, вишня у славян — это символы доброго начала; калина, рябина, осина — символы несчастья. В основе этих представлений лежит архетип дерева-тотема.

Дерево может стать способом организации человеческого опыта, категоризации мира на уровне вторичной номинации: древо познания, древо жизни, генеалогическое древо, языковое древо, мировое древо и т.д. Это фундаментальный культурный смысл, представляющий вертикальную модель мира, символ гармонии и упорядоченности мира. Через концепт дерева показана организация нашего мышления и культуры в ведущем понятии философии XX века — ризоме Ж. Делеза, которая, являясь типом нелинейной системной организации, предполагает организацию целостности с осевой ориентацией по типу культурной метафоры корня.

Следовательно, концепт дерева может выступать в качестве универсальной концептуальной модели, позволяющей организовать и структурировать окружающее человека пространство. А если посмотреть на проблему шире, то сам человек — микрокосм, объединяющий в себе все элементы вселенной. Человек и Космос едины и повторяют друг друга: голова — это небо, глаза — солнце, волосы — деревья и т.д.

Таким образом, мировидение разных народов различно: одни и те же концепты, являясь будто бы универсальными, по-разному осмысляют сущность и мир в целом.

Если взять базовые национальные концепты, то конфигурация и удельный вес их в каждой культуре различен, они по-разному связаны между собой, меняются на протяжении времени. Так, базовыми для русской культуры в начале 2000-х годов были — быт, воля, дружба, душа, сердце, закон, здоровье, свобода, тоска, язык (Антология..., 2007); в 2010 — жизнь, смерть, небо, горе, радость, знание, ум, лень, обман, молитва (Бабенко, 2010). Для белорусов — родина, народ, язык, воля, семья, доля (лёс), любовь (каханне), счастье (Півавар, 2015).

Как известно, различия между двумя любыми культурами практически бесчисленны, отсюда возникают вопросы: какие именно языковленные фрагменты культуры нужно сравнивать, чтобы выявить специфику данной культуры? Как язык отражает и задает параметры культуры? Однозначных ответов на них пока нет. Широкое распространение получила типология, авторами которой являются Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек. Они выделили пять ценностных измерений, выражающих отношение представителей той или иной культуры к ключевым ценностям: 1) отношение к природе; 2) отношение ко времени; 3) модальность человеческой активности; 4) модальность межчеловеческих отношений; 5) представление о внутренней природе человека (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961).

Как видим, первый пункт предполагает обращение к природе. Проблема взаимосуществования природы и человека в ней — важнейший параметр при сопоставлении культур. Русское мироощущение ближе к «духам природы», оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего вы-

ражения. У французов, например, природное начало слабее, т.к. они имеют более древнюю культуру. Поэтому многочисленные исследования зоонимов, фитонимов в разных аспектах, которые, казалось бы, безнадежно устарели, позволяют посмотреть на них с иной стороны — с позиций процесса концептуализации культуры.

Заключение

К пониманию необходимости развивать интегративные области знания привело целостное видение человека, которого невозможно понять без языка, а познание языка будет неполным без учета когнитивных категорий и категорий культуры.

Выяснилось, что каждый национальный язык немного по-своему видит мир, по-своему членит его, то есть имеет свой способ его концептуализации. Метафора, будучи двойным преломлением (воспроизведение мира с помощью созерцания и мышления, которое затем фиксируется в языке), дает неточное отражение мира (эффект кривого зеркала), но она необходима языку и человеку как ключ к концептуализации мира и пониманию мировидения народа. Метафора фиксирует в себе накопленный тысячелетиями народный опыт. Аналогичную функцию выполняют и ключевые концепты культуры.

Понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формирует языковую картину мира — актуальнейшие проблемы современного языкознания. Решению названных проблем способствует новая теория категоризации, активно исследуемая в настоящее время когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. Лингвокультурология уже сегодня готова дать список важнейших (ключевых) концептов русской лингвокультуры, составляющих концептосферу русского человека, его образ мира.

Список литературы

- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
- Бабенко Л.Г.* Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Екатеринбург, 2010. 387 с.
- Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков*. Липецк, 2017. С. 7—25.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. С. 4—24.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Философские работы*. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Языковое преобразование*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: МГУ, 1996. 335 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2003. 263 с.
- Ковшова М., Гудков Д.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 200 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры / пер. Н.В. Перцова. М.: Прогресс, 1990. С. 387—415.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. 683 с.

Де Мауро Т. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. М., 1990. 512 с.

Пивавар К. Беларуская ментальнасць у моунай прасторы мастацкага тэксту. Віцебск: ВГУ, 2015. 287 с.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4—42.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2016. 448 с.

Gluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson, 1961. 321 p.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 16.09.2018

Дата принятия к печати: 25.11.2018

Для цитирования:

Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184—197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, когнитивная лингвистика. *Контактная информация:* mvavit@tut.by

Scientific article

The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Prospekt, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The transition from actual knowledge to the deep one is an important characteristic of all modern humanities, including cognitive linguistics and cultural linguistics. Study of deep knowledge is urgent now. The purpose of the article is to show that the allocation of language categories is a complex integrative process, since the category itself includes both general conceptual bases for combining objects having common essential properties, and knowledge of the rules and mechanisms of such combination.

The author concluded that the concept of “language and culture” converge the interests of all sciences that study human beings. Therefore, modern cultural linguistics should explore not only the interaction of language and culture, but also the relationship and interconnections of language and personality, its consciousness and thinking.

The article shows certain examples of language meaning in world conceptualization and categorization. It attempts to establish objective and subjective factors shaping the national world picture. One of these factors is the metaphor, which clearly reflects the national specificity of the world perception.

Keywords: the Russian language, classification, categorization, conceptualization, cognitive linguistics, cultural linguistics

References

- Babenco, L.G. (2010). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations (on the material of lexis, phraseology and paremiology)]. Ekaterinburg. (In Russ.)
- Berestnev, G.I. (2017). Sinkhronistichnost' kak ob'ekt kognitivnoi lingvistiki [Synchronicity as an object of cognitive linguistics]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX—XXI vekov* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries]. Lipetsk. (In Russ.)
- Boldyrev, N.N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka [The conceptual basis of language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Issue IV. Conceptualization of the world in language]. Moscow; Tambov: RAN; TGU Publ. (In Russ.)
- Chernigovskaya, T.V. (2016). *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [Schrödinger's cheshire smile: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Gak, V.G. (1998). Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: Universal and Specific]. *Yazykovo preobrazovanie* [Language Transformation]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ. (In Russ.)
- Karasik, V.I., & Sternin, I.A. (2007). *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Karaulov, Yu.N. (2003). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Kluckhohn, F.R., & Strodtbeck F.L. (1961). *Variations in value orientations*. Evanston, Illinois: Row, Peterson.
- Kovshova, M., & Gudkov, D. (2017). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of cultural linguistic terms]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Lakoff, Dzh., & Dzhonson, M. (1990). *Metafora, kotorymi my zhivem. Teoriya metafor* [Metaphors we live by. Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- De Mauro, T. (2000). *Vvedenie v semantiku* [Introduction to semantics]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russ.)
- Ortega y Gasset, J. (1990). *Dve glavnye metafor* [Two main metaphors]. Moscow. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (2005). O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazhenii [About the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], 30, 4—42. Moscow: MAKS Press Publ. (In Russ.)
- Vitgenshtein, L. (1994). *Logiko-filosofskii traktat* [The logical and philosophical treatise]. *Filosofskie raboty* [Philosophical work]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)

- Yartseva, V.N. (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Linguistic Encyclopedic Dictionary*]. Moscow. (In Russ.)
- Zvegintsev, V.A. (1996). *Mysli o lingvistike* [*Thoughts on linguistics*]. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Pivavar, K. (2015). *Belaruskaya mental'nasts' u mounai prastory mastatskaga tekstu* [*Belarusian mentality in the language of an artistic text*]. Vitebsk: VGU Publ. (In Belarus.)

Article history:

Received: 16.09.2018

Accepted: 25.11.2018

For citation:

Maslova V.A. (2019). The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics. *Russian Language Studies*, 17(2), 184—197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

Bio Note:

Valentina Avraamovna Maslova, PhD (Philology), Associate Professor of Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Republic of Belarus). *Research interests*: cultural linguistics, world's conceptualization, cognitive linguistics. *Contact information*: mvavit@tut.by